

ИЕДАВНО мой шумный, оживленный Ташкент выглядел еще оживленнее, чем обычно. Сюда съехались на Всесоюзный слет молодых хлопкоробов-механизаторов представители всех хлопковых республик Советского Союза. Трактористы, слесари, комбайнеры, бригадиры комплексных бригад, механики-водители говорили о самых, казалось бы, прозаических вещах. О том, что каждую машину надо дать в умелые руки. О том, что главный девиз молодых — высокая культура земледелия. Что выполнение принятых обязательств — дело чести. Что нормы выработки на уборке урожая — закон. Надо сказать, что многим из делегатов совещания не исполнилось и семнадцати лет. Я слушал их и думал: до чего же не похожи эти духовно зрелые, широко мыслящие юноши и девушки, узбеки и русские, туркмены и азербайджанцы, киргизы и таджики, казахи и армяне, на еще недавно шумевших в нашей литературе «звездных мальчиков»!

Партия вовремя сказала свое строгое и справедливое слово, и ныне «звездные мальчики» покинули страницы книг, не оставив по себе сколь-либо доброй памяти. В узбекской, как и во всей нашей советской литературе, ведущее положение занимает другой герой, который и полетом своей романтической мечты, и богатством своих чувств сродни юношам и девушкам, встреченным мною на Всесоюзном слете молодых хлопкоробов-механизаторов. И в этом я вижу наглядный пример органической связи нашего читателя и героя наших книг. Она закономерна, эта связь, — ведь книга писателя только тогда отвечает своему высокому идейно-воспитательному назначению, когда воплощает в себе жизненную правду, когда подлинное ее содержание, богатство ее тем и образов определены жизнью самого народа. Не об этом ли еще раз напоминает нам и редакционная статья журнала «Коммунист» (№ 10) «Искусство героической эпохи»: «Положительный герой, в образе которого раскрываются лучшие черты народа, красота его мыслей, чувств и поступков, — такой герой является новаторским достижением искусства социалистического реализма. Не терять, а нести дальше эстафету выдающихся советских мастеров, запечатлеть идейно-нравственное величие народного характера как самое драгоценное достояние социалистического общества — гражданская обязанность художника нашего времени».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ИМ-ЛЕТЕТЬ

Камиль ЯШЕН

И в самом деле: чему могла бы научить нашу молодежь, вот этих, например, юных хлопкоробов, книга писателя, в которой современник представлен ограниченным, умственно и духовно обедненным человеком, живущим узкопотребительскими интересами, мелкими страстишками?

Нет, никогда подобный «герой» не пользовался любовью и уважением народа. Еще на заре узбекской советской литературы вошли в нее герои, воплотившие в себе лучшие черты народа, величие его мыслей, красоту деяний. Это и Гафур из драмы «Бай и батрак» Хамзы, и люди из народа в романах Садрриддина Айни, и декханин Юлчи в романе «Священная кровь» Айбека, и советские патриоты в поэмах и стихах Хаида Алимджана.

А сегодняшняя узбекская литература! Трудно даже просто перечислить все ее новые открытия и завоевания.

Вот, например, образы узбекских советских женщин — Айкиз в романах Ш. Рашидова «Победители» и «Сильнее бури» и Саиде в повести А. Каххара «Птичка-невеличка». Слово бы из самой жизни пришли они на страницы книг, воплотив в себе лучшие черты народного характера. Создавая эти образы, писатели шли по пути широких обобщений, типического раскрытия того нового в человеке, что присуще тысячам женщин Советского Узбекистана.

Иной путь творческого поиска избрал писатель Н. Сафаров в повести «Девушка смотрит вдаль». Он пишет, по существу, литературный портрет прославленной героини хлопковых полей Турсуной Ахуновой и не без оснований называет свою повесть документальной. Именно в этой документальности материала — секрет обаяния повести, страстно утверждающей силу положительного примера, величие трудового подвига, который увлекает сейчас тысячи девушек и женщин, садящихся за штурвал хлопкоуборочного агрегата.

Случайно ли узбекские писатели так часто обращаются в своих книгах к образу советской женщины? Конечно, нет. Они увидели свой гражданский долг в том, чтобы показать одно из величайших завоеваний революции, вырвавшей узбечку из цепких лап шариата и адата, сделавшей ее человеком, равноправным строителем новой жизни.

Громадная воспитательная роль книги — одна из основных черт литературы социалистического реализма. И мне понятно волнение моих недавних собеседников — стариков-революционеров, с которыми на днях мне довелось встретиться в Андижане. У всех их, этих ветеранов революции, — и у Мухтара Алимова, одного из первых партийных работников в Андижане и Оше, и у Аскара Акбарова, комиссара национального эскадрона Красной Армии, и у Ибрагима Ишанходжаева, комсомольского вожака, комиссара Красной гвардии, и у Сайфи Зияева, комсомольца 17—18-х годов, — есть уже взрослые внуки и внучки — студенты, молодые специалисты. И думая сегодня о судьбе молодой смены строителей коммунизма, они предъявили свой большой счет нам, писателям. Литература учит жить, говорили они. И молодежь надо воспитывать на высоких образцах героизма, на примерах подвига во имя народного дела. И как важно, чтобы писатели, создавая книги о великих делах советских людей сегодня, воскрешали и огневые годы первых лет революции, гражданской войны, победного строительства социализма. Мало еще книг написано писателями Узбекистана на историко-революционную тему, и это особенно огорчительно сегодня, в преддверии большого праздника 40-летия республики.

Да, богатые революционные традиции узбекского народа, как и традиции других братских народов Советского Союза, переплетаются теснейшим образом с современным размахом строительства коммунизма. Разве романтика трудового подвига Турсуной Ахуновой не питается романтикой подвигов ее отцов и дедов? И разве не оживают великие революционные традиции в победах зерновых колхозов и совхозов Узбекистана, которые, ответив на призыв партии, дали за одно только лето вместо пятнадцати миллионов пудов зерна уже более тридцати пяти и сейчас неуклонно идут к 40 миллионам пудов нового урожая?

Эта романтика жизни должна питать романтику нашей литературы. И ее широкие крылья нужны всем, и особенно молодежи, которой суждено лететь в наш завтрашний день.

ТАШКЕНТ